

КУЛЬТУРОГЕНЕТИКА МАЛОЙ РОДИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МАЛАНЮКА

Аннотация: Статья посвящена Евгению Маланюку, выдающемуся писателю украинского зарубежья, видному общественному деятелю и публицисту. В центре внимания находится проблема культурогенетики малой родины и соотношение ее с «малой» и «большой» родиной и, с другой стороны, с драмой зарубежья. Вместе с тем, основное внимание уделено художественному творчеству писателя, которое отражает его социальные, политические и философские взгляды.

Ключевые слова: культурогенетика, самосознание, малая родина, зарубежье, патриотизм, гуманизм.

Евген Маланюк (1897-1968) – выдающийся представитель украинской культуры, «воїн, поет нації» [11: 56], инженер, философ, офицер армии УНР, видный деятель зарубежья. По современной оценке, он выступает в качестве одного из видных представителей украинского самосознания XX-го века – одного из самых сложных и противоречивых периодов в истории человечества. Это столетие характеризуется двумя мировыми войнами, крупными социально-политическими переворотами, масштабными перемещениями людей, в том числе, и целых народов, усиливает национальный гнет зависимых наций и борьбу за независимость.

Маланюк соприкоснулся непосредственно с этими потрясениями и, будучи интеллектуалом самого высокого уровня, обладая незаурядным писательским, и не только, талантом, был вовлечен в бурный процесс. Несколько позже, он пылливо заявляет: *«А треба було впасти середь бою/ На тій землі, де молодість цвіла»* [10: 1]. Тем не менее, он включился активно в борьбу, стремясь найти какую-нибудь правду, пусть будет хотя бы для своего измученного украинского народа. В качестве основы был взят опыт мировой истории, особенно Древнего Рима: *«Ave Caesar, співучий серпне... застиг на троні,/ Ти вже статуя, мрамур, міт...»* [21: 1]; Старого Тараса, который *«Не поет – бо це ж до болю мало,/ Не трибун – бо це лиш рупор мас»* [22: 1]; собственный опыт и психология борца в сочетании с аналогичными действиями его современников.

Если учесть широкий диапазон литературной деятельности, то Маланюка следует отнести к классикам, а еще, к важнейшим лидерам зарубежного украинского движения. По оценке Ольги Солонёвської, он наравне с Иваном Багряным и Олегом Ольжичем стоит на вершине всей диаспоры украинской литературы [13: 62], а фактически является одним из главных лидеров национального движения Украины. На этот счет он выработал собственный поэтический афоризм: *«Як в нації вождя нема,/ Тоді вожді її – поети»*[12: 56].

Отличительной чертой поэта является умение сочетать разные направления деятельности – поэзия, публицистика, философия, литературная критика, инженерия, военное дело и др. Такой широкий охват позволяет специалистам исследовать полнее вклад Маланюка в развитии литературы и науки, а также культурогенетику его творчества.

Культурогенетика – наука новая и малоразработанная. Морфологически она состоит из двух основных структур: культура как таковая с ее известными диффузиями¹⁶ и генетическая

¹⁶ Термин «культура» принадлежит XIX-му веку и связан с исследованиями археологическими культурных слоев (Артур Эванс, Генри Шлиман и др.). «Генетика» – термин XX-го столетия, продукт

суть, которая определяет характер и направленность эволюции предмета. Соединение этих двух компонентов, в нашем случае, формирует специфику, своеобразие и непрерывность комплексного развития литературного творчества, ее историзм. Как ни странно, но в советское время ее основы ставились под сомнение, а неудавшиеся заделы Санкт-Петербургского лингвиста Н. Я. Марра были просто заменены «учением» Сталина¹⁷, другие же передовые отрасли наук, как например, кибернетика, запрещены вовсе.

Одновременно власти производили сортировку писателей по идеологическим критериям. Целый ряд деятелей литературы преследовались в прямом и переносном смысле, часть из них уничтожали физически или вынуждали эмигрировать. Особенно часто это касалось тех, кто не принял большевистский переворот, идеологию и практику строительства социализма. Среди которых был и Евгений Маланюк.

В этом отношении Украина, а после 1940 г. и Молдова, оказались в самом неблагоприятном положении. К примеру, в бывшей МАССР были расстреляны абсолютное большинство писателей. Тоталитарный режим сурово расправлялся с объявленными «украинскими националистами», устраивал преступные акции расправ с населением (Голодомор и прочее). С другой стороны, пытался использовать это славянское население, закрепить позиции новой власти. Но не всегда получали желаемые результаты. Гражданская война доказала сказанное. Более того, среди украинцев значительно усилилась тенденция по возрождению национальной государственности. В этом направлении принимали участие разные слои населения, интеллигенция, в том числе и писатель Е. Маланюк.

Е. Маланюк, в качестве общественного деятеля и поэта, представлял наиболее радикальное крыло украинского общества, стоял на позиции независимости Украины и господства у себя на родине украинского языка, национальных традиции и уклада жизни. Его творчество и общественные взгляды согласованы с творениями «Старого Тараса» – самого главного поэта Украины. Ценил близкие связи с поэтами Иваном Багряным, Олегом Ольжичем и другими современниками, высоко отзывался о русских писателях С. Есенине, Н. Гумилеве [13: 57], М. Лермонтове, Н. Гоголе и авторах Запада В. Гюго, М. Твене и др. [7: 35], важным источником его творений являлось неисчерпаемое богатство и разнообразие устного народного творчества.

В формировании концепции Маланюка можно выделить три этапа. Первый включает детские и юношеские годы, когда крестьянский сын наслаждался невинно красотой окружающей природы, многообразием сельского образа жизни и быта. В общих чертах, культурогенетически это есть *начало*. Далее следует период тяжелых испытаний и участия в потоке политических интриг и борьбы за свои идеалы, который закончился печальной *эмиграцией*. И, наконец, третий период, жизнь за кордоном, вдали от любимой родины, и трагический *финал*. На этом круг жизни и борьбы замкнулся прочно, но внутри него аттестуется неоценимый вклад писателя в общую копилку украинской национальной культуры.

В этом специфическом контексте творчество писателя варьирует между двумя философскими и культурогенетическими понятиями, *там* и *тут*, за каждым из которых скрывается сложное психологическое и смысловое значение. Наречие «там» включает эхо ушедшей навсегда жизни поэта, а «тут» представлено как насильственно приобретенное место обитания, чуждое его духу как украинца. Часто поэт грустит: «*хто задихався в чужому повітрі, у чужому підсонні, під чужим небом...той зрозуміє психологічний стан емігранта*» [3: 16]. Он ощущает далекие отголоски родных просторов: «*десь сіре поле в чорних круках./ Що прооро-*

теории относительности, заменившей механику Ньютона. В самом сжатом виде она состоит из корреляции материи и пространства типа: материя указывает пространству, как искривляться, а пространство материи – как двигаться. Литература, в качестве особого вида искусства, подчинена непосредственно и опосредованно этим двум макроконцепциям. Сравните *биомеханику* Мейерхольда и *систему* Станиславского, а соответственно и театральную драматургию. В иных случаях, литература опережает грядущие научные открытия, как, например, «столь сложный» Чехов, «обратная связь» Сологуба или Гиппиус.

¹⁷ К примеру: Сб. *Вопросы молдавского языка в свете трудов И.В.Сталина* (Кишинев: Шкоала советикэ, 1951, 146 с.) подвергает критике теорию марризма, преследуя одну – единственную цель: демонтировать окончательно румынский язык на территории МССР. Тем временем, субдиалект бессарабо-молдавского говора возвышен в ранг «молдавского литературного» языка.

кують: *Кари!Кар!»*[19: 1], *«свист херсонського простору!»* и *«вітер з кришталевих хвиль!»*[18: 1], и *«дивний ліс зітхає ароматом і весь дзвенить од гимнів п'яних птиць, співа трава, ніким ще не зім'ята»* [20: 1]. Тут же *«на чужбинних бруках»*, признається он, *«чужий – несучужий тягар... і сниться степ Твій, сниться луки і на узгір'ях – вітряки і н'єш самотній, смертний біль»* [20: 1]. Этот подбор стихотворных образов типичен для поэзии Маланюка и указывает на важность родных мест в его творчестве. Каждый раз звучит неустанно драматизм, сентиментализм, истекающий слезами иностранца. Тоска писателя по Украине и невозможность ее утоления формируют тот узел жизни, который пробуждает тяжесть в душе, и влияет на типичное художественное творчество зарубежья. Утонченная поющая драму душа, где-то за маленьким столом черпает пером на листе бумаги таинственную явь и страдание по далеким родным просторам. Это проявление составляет не что иное, как глубокое дыхание и тяжесть внутренних страданий, присущих только лирикам.

Все сочинения Маланюка, написанные на чужбине, отражают жизнь *«тут»*, но в мыслях *«там»*, у родимой хаты, в стране начала. Это призывки, знакомые ноты херсонщины, места детских забав. Ему вечно снится семья, оба деда с воинскими корнями [7: 30], *«містечковий театр, громадська бібліотека, гімназія»* [7: 31], и сельская детвора, скопление *«хата в хату»*, из одной из которых он сам заглядывал в маленький мир *«сквозь стекла низких окон»* [7: 30-31] пытливыми детскими глазами. Представленное яркое многообразие отражается в стихах и формирует стержень вертикальности поэта. Довольно часто он обращался к христианским традициям, божественному началу, народной вере, псалмам, молитвам, акафистам и глубоким водам Иордана [2: 36]. Каждый раз географическая и социальная среда порождала в глубине души поэта генетические субстраты художника и борца.

Когда произошла смена детства и юношества на взрослые годы, произошло неминуемое – синтез пройденных этапов жизни и вхождение в суровые испытания. Как ни странно, Маланюк растерялся одно время в каком-то хаосе жизни: *«З'явися, Господи! Зійди на мертву землю./Вицеки десницею застиглого мерця./ Дихни вогнем пречистим»* [10: 1]. Но это не падение, а мучительная твердость шагать тернистыми тропами к вершинам собственного Олимпа. Соединение двух противоположностей подтверждает как раз, что Маланюк являлся настоящим творцом, создавал ту ткань культуры, которая упиралась в генетику социального и политического бытия своего народа. Очевидно, все это суммарно характеризует место поэта в истории украинской литературы.

Страсть желанья вернуться на родину и насладиться родными просторами пронзила основательно поэта. Можно сказать, что это симптом неизлечимой «болезни души» Маланюка, пронзенной печальным драматизмом. В одной поэме он признается, что *«жив з Україною в серці, з пекучою пам'яттю про Синюху, Архангород, батька, діда Василя»* [3: 15]. Казалось бы, что обошел вниманием родную мать, но это иллюзия, так как всюду шепчет это священное имя в сочетании с родиной, селом, природой, всем, что окружало пространственные обзоры начала. Стихотворение «Вчера» показательное в этом плане: *«Далеко бідне око бачить / Там села, села між ярів.../ О Мати! Очі знов заплачуть / З-нід мукою зіпнутих брів./ О Мати! Серце б'є, як птиця./ До тебе зламаним крилом./ Куди ж іти? І як молитися?/ Де той тропар? Де той псалом?»* [17: 9]. Любимый образ включает символ всеобщего, арсенал самого ценного, а в конечном итоге – генетический субстрат малой родины, столь близкой для каждого из нас.

Культурогенетические свойства в творчестве Маланюка присутствуют повсюду. Они формируют незабываемый стержень всей деятельности поэта, переплетаются с развитым арсеналом метафор типа *«шумят ивы»*, *«плачут карие глаза»*, *«сердечко понимает»* и т. п.[3: 14]. Однако малая родина в этом комплексе сути вещей занимает центральное место. Это объясняется осадками времени, памятью прошлого и желанием вернуться к той же *низенькой хате*, которая неустанно ожидает своего хозяина. Эта тема звучит как эталон судьбы, воплощает идеалы человечества, высокие нравственные принципы гуманизма, абсолютный патриотизм. В его творениях ощущается громадная потеря былого и желание вернуть себе то, что стало фатальным, идеальное желание соприкоснуться хотя бы на миг с унаследованным родительским домом, «призбой», услышать «гавканье Бровки».

Жизни и творчеству Е. Маланюка сопутствуют трудные времена, в том числе, по определению его, «*знов на Богдановій дідизні історії свистять вітри*» [16: 1]. Борьба за власть и победа Советов стали главной причиной эмиграции большого числа деятелей культуры и искусства, инженеров, ученых, педагогов, крупных производителей, генералитета. Оказавшись на чужбине, они остались верны народу, стране и традициям. Уже по этим соображениям не могут быть обвинены в предательстве, шпионаже и других пороках.

Как ни странно, но в советские времена все зарубежье, не признавшее новую власть, квалифицировалось как «*враги народа*». Эмигрантов, выходцев из союзных республик, вдобавок отнесли к «*националистам*» и «*руссофобам*».

Так где же «национализм» Евгена Маланюка? Оговоримся сразу – он отсутствует. Идеологи коммунизма, сторонники тоталитаризма и однопартийной системы правления, отвергали естественное право граждан создавать формирования по иным концептуальным воззрениям. Маланюк и все представители диаспоры зарубежья не подчинились этим требованиям и избрали свободу. За это последовали суровые муки и лишение родины, а заодно и право на создание шедевров в области литературы и других художественных жанрах искусств национального и мирового значения. В таком случае раскрывается реакционная суть уже свергнутого коммунистического строя.

В этой связи возникает и другая проблема – отношение Маланюка к России и русскому народу. Нами исследовано подавляющее большинство стихов поэта, но не были замечены какие-либо проявления русофобии. Наоборот, писатель и общественный деятель проявляет интерес и глубокое уважение к соседнему народу, черпая оттуда образцы в области литературы. А там, где называет русских «москалями», отражает не что иное, как проявление бытового апеллятива, вошедшего в периферийные говоры людей. Но это не оскорбление нации, а передача альтернативного отношения к русским.

Евген Маланюк стоит в ряду выдающихся писателей. Вся его деятельность посвящена его стране и народу. Главными критериями его творчества являются человеколюбие, гуманизм, стремление повлиять духовно на решение фундаментальных вопросов человечества в целом. Не случайно П. Иванишин, заключил, что у Маланюка «*мистецтво взагалі, поезія окрема і перш за все – стоять на грані прозріння, бочачи крізь феноменальність дійсності, вігчуваючи саму стихію буття*» [4: 21].

Marshalkowsky T.-T.

Cultural Genetics of a small homeland in the works Malanyk's works

Abstract: The article is devoted to Evgen Malaniuc – a prominent Ukrainian writer, public figure and journalist who lived abroad. The focus is on the culture generics of the “small” and “big” homeland, and on the other hand on the drama of the foreign land. At the same time, the article focuses on the writer’s artistic creativity that reflects his social, political and philosophical views.

Keywords: culture genetics, identity, small homeland, abroad, patriotism, humanism.

Библиографія:

1. Вірші Євгена Маланюка/onlyart.org.ua/?page_id=7173.
2. Даниленко, Ірина, Модифікація жанрового канону молитви в ліриці Євгена Маланюка./ Слово і час, 1/2005.
3. Дем'яненко, Світлана, «Мушу випити келих до краю...». / Дивослово, 12/2014.
4. Іванишин, Петро, Национальний спосіб розуміння в поезії Т. Шевченка, Є. Маланюка, Л. Костенко. Монографія. Київ: Академвидав, 2008.
5. Кухар, Оксана, «...Март і Марія, і вечір»./ Слово і Час, 10/2003.
6. Куценко, Леонід, «На хресті слова розіп'ятий...». / Євген Маланюк, Невичерпальність. Поезії, статті. Київ: «Веселка», 1997.
7. Куценко, Леонід, Dominus Маланюк: тло і постать. Видання друге, доповнене. Київ: ВЦ «Просвіта», 2002.
8. Маланюк, Євген, Невичерпальність. Поезії, статті. Київ: «Веселка», 1997.
9. Невралій, Микола, Маланюк і Багряний: дві концепції визволення України./ Слово і Час, 10/2003.
10. Салига, Тарас, Архітектор храму слова./ Літературна Україна, 1/2006.
11. Салига, Тарас, Молитва Євгена Маланюка до Миколи Зерова (під світлом одного твору)/ Літературна Україна, 6/2012.

12. Солоньовська, Ольга, Міфороетична парадигма незалежної України в ліриці Івана Франка, Євгена Маланюка, Івана Багряного та Олега Ольжича. / Дивослово, 9/2007.
13. Солоньовська, Ольга, Міфороетична парадигма незалежної України в лириці Івана Франка, Євгена Маланюка, Івана Багряного та Олега Ольжича. / Дивослово, 10/2007.
14. Циховська, Еллина, Катастрофічні мотиви у творчості Є. Маланюка. / Слово і Час, 2/2008.
15. Українська література. Електронна бібліотека. Євген Маланюк.
16. <http://naysterni.com/publication.ptp?id=30850>.
17. <http://naysterni.com/publication.ptp?id=30851>.
18. http://onlyart.org.ua/?page_id=7173
19. <http://ukrclassic.com.ua/catalog/m/malanyuk-evgen/1240>
20. <http://ukrclassic.com.ua/catalog/m/malanyuk-evgen/2500>
21. <http://www.poetrylub.com.ua/metrspoem.php?poem=1770>
22. <https://www.stihi.ru/2011/07/03/3125>